

Помимо того, что до Чэн Фэнтая периодически доходили курсирующие по кулуарам запутанные слухи, как-то раз ему довелось посредничать в поставках товара Шан Сижую. Однажды его заместитель принимал партию первосортного шёлка, идущего из Цзяннаня в Маньчжурию транзитом через Бэйпин. В день его прибытия господин Ли, владелец магазина Жуйфусян [1], невзирая на адскую жару, самолично прибежал в лавку. Чэн Фэнтай велел рабочему принести стремянку, чтобы торговец, распаковав товар, собственноручно проверил его качество, однако тот замахал руками, уверяя, что не возьмёт ничего, кроме пары костюмов.

— Неужто нельзя было послать за ними приказчика? — посмеиваясь, бросил Чэн Фэнтай. — Разве какие-то два платья стоят того, чтобы вы, почтенный, неслись за ними под палящим солнцем? Можно подумать, эти одеяния предназначаются для самой матушки-императрицы!

— Почти. — Стерев пот со лба, Ли Чангуй принялся обмахиваться веером, поведая: — В своё время я служил поставщиком ваньжун [2] матушки-императрицы, так что знаю, о чём говорю.

Эти слова пробудили интерес Чэн Фэнтая, и он захотел разузнать побольше. Тем временем господин Ли велел спустить сундук из камфарного дерева [3], опечатанный красными пломбами — в его обширных глубинах лежало лишь двенадцать женских ханьфу [4], два пояса и два носовых платка. Водрузив на нос очки, торговец принялся выкладывать на стол вещь за вещь, тщательно осматривая каждый стежок, кончик каждой нити.

— Важно произвести тщательный осмотр всех вещей, таков порядок, — обратился господин Ли к перевозчику из Ханьчжоу. — Так что придётся затруднить вас просьбой вернуть сундук на место.

— Знаю, знаю! — со смехом отозвался тот. — Таков порядок! Женщины из нашей мастерской трудились над этими одеяниями в течение девяти месяцев. Хозяин, присмотритесь хорошенько — золотые нити в шитье перевиты настоящим золотом, ни капли фальши, и только взгляните на эти павлиньи перья...

Чэн Фэнтаю стало ещё любопытнее. Приблизившись, он потянул за уголок одного из одеяний — оно воистину было неправдоподобно роскошным. Золотые фениксы [5] на красном атласе столь искусно вышиты, что отчётливо видно каждое пёрышко, а бахрома забрана жемчугом — да ещё, похоже, настоящим! Семейство Фань считалось самым зажиточным за Великой китайской стеной, и всё же, когда Чэн Фэнтай женился на второй госпоже, она не могла позволить себе подобного наряда. На другом костюме сотни бабочек кружили в танце вокруг узора из благовещих облаков, их шёлковые крылышки мягко отражали свет, отчего они трепетали, будто живые. Вышивальщицы явно вложили в эти одеяния всё своё мастерство, коим овладевали на протяжении всей жизни, чтобы, вырезая лоскуты ткани, создавать из них столь безупречно прекрасные картины.

— Это в самом деле потрясающе! — восхищённо прищёлкнул языком Чэн Фэнтай. — Неужто государь-император и матушка-императрица желают вернуться ко двору?

— Какое там! — рассмеялся господин Ли. — Разве второй господин вовсе не выходит на улицу?

Это же театральные костюмы!

«Неудивительно, что цвета столь яркие, — подумал про себя Чэн Фэнтай. — Так сразу и не сообразишь, какому из несравненных талантов пекинской оперы подобает носить столь совершенный наряд».

— Мне доводилось слышать об одном из известных артистов Бэйпина — прежде он выступал в труппе «Наньфу», а покинув дворец, сблизился с министром финансов, от которого перешёл к князю маньчжуров [6] — это не для него? Но разве он не отошёл от дел и всё ещё выступает?

— Нет, — возразил господин Ли. — Вы, конечно же, говорите о слуге «грушевого сада» Нин Цзюлане! Некогда Нин-лаобань [7] был в милости у вдовствующей императрицы, но, покинув дворец, он больше не может позволить себе подобного расточительства. Второй господин, как по-вашему, сколько стоят эти костюмы?

— Наверно, хотя бы тысячу да стоят... — поразмыслив, предположил Чэн Фэнтай.

— Этого едва хватит на несколько жемчужин да золотых нитей! — негодуя бросил господин Ли и воздел перед лицом Чэн Фэнтая четыре пальца. Тут же отпустив краешек одеяния, второй господин Чэн удивлённо рассмеялся:

— Кто же этот олух [8]? Да он бросает деньги на ветер похлеще меня!

— Это наша новая знаменитость, Шан Сижуй. Второй господин наверняка его знает. — Не обнаружив никаких изъянов, господин Ли тщательно сложил костюмы, убрав их в ящик в первозданном виде.

— Шан Сижуй из Пинъяна? Как же, прекрасно знаю! — вздохнул Чэн Фэнтай. — В нынешние времена люди, которые трудятся, не жалея сил, и прокормить-то себя не в состоянии, а какие-то там фигляры и вовсе денег не считают!

Господин Ли смерил его взглядом: мол, вы подумайте, он ещё и рассуждает о тяжком труде, будто какой-то работяга — тебе ли сетовать о современных нравах? Да если бы не нынешняя смута, смог бы ты тогда, воспользовавшись всеобщей сумятицей, загрести столько денег?

— Во всём прочем Шан Сижуй отнюдь не стремится пускать пыль в глаза, — со смехом бросил вслух торговец. — Он готов тратить деньги лишь на театральные костюмы — если они красивы, то ему не важно, сколько долларов [9] за них придётся выложить!

Чэн Фэнтай забыл, что уже встречал Шан Сижую на паре вечеринок, куда приходил сыграть в маджонг. Однако многие, зная, что Чэн Мэйсинь ненавидит этого актёра за то, что тот чуть не отнял у неё мужа, а также помня о бандитском норове Чэн Фэнтая и безумных выходках Шан Сижую, понимали: малейшая неосторожность приведёт к тому, что добром их встреча не

кончится. Потому-то их старались не подпускать друг к другу — пусть они одновременно находились в одном и том же месте, их умышленно разделяли.

Снимая театральную женскую личину, Шан Сижуй превращался в невозмутимого изящного молодого человека, по юности лет ещё не утратившего девичью округлость и нежность черт лица. В повседневности он носил лишь поношенные одноцветные халаты, не привлекающие внимания, так что мимо него можно было с лёгкостью пройти несколько раз, не заметив его — вот Чэн Фэнтай и не замечал. В свою очередь, Шан Сижуй не мог не знать громогласно подтрунивающего над другими младшего брата Чэн Мэйсинь, ведь куда бы ни явился Чэн Фэнтай, там тут же затевалась весёлая суматоха. Этот прожигатель жизни, располагающий неотразимой улыбкой [10] и парой сверкающих глаз, способных пленять с первого же взгляда, не шёл ни в какое сравнение с невзрачным актёром — воистину, человек такого сорта был способен зарабатывать деньги одной своей внешностью.

В первый раз они встретились лицом к лицу в театре «Хуэйбинь» [11].

В тот вечер Чэн Фэнтай прихватил с собой Чачу-эр и двух стариков, с которыми его связывали общие торговые дела — они собирались просто-напросто выпить, закусить и посплетничать. Из-за того, что старики не могли вволю ни поесть, ни выпить, они вскоре поднялись из-за стола, предлагая отправиться в театр. Чэн Фэнтай, надо сказать, не испытывал ни малейшего интереса к такого рода развлечениям — он бы куда охотнее подыскал подходящее заведение, чтобы забить пару партеек в маджонг или пропустить чарочку молодого вина с какой-нибудь красоткой, однако не мог так вот запросто отмахнуться от пожеланий своих почтенных спутников. Когда Чэн Фэнтай поинтересовался, куда они собираются пойти смотреть представление, те не сговариваясь в один голос назвали театр «Хуэйбинь».

— Нынче вечером Шан-лаобань в последний раз даёт «Опьяневшую Ян-гуйфэй» [12], — поведал первый старик, — такое пропустить никак нельзя.

— Так и есть, — вступил другой, — если я три дня не слышу пения Шан Сижую, то мне и еда не в радость.

— Хорошо, — с улыбкой сказал Чэн Фэнтай, забирая у старика трость, — мы прямо сейчас пойдём в театр.

Чача-эр округлила глаза на старшего брата, словно вопрошая: «Куда это мы?» — но, как и прежде, не пожелала подать голос. Разумеется, прибыв в Бэйпин, семейство Чэн во всём следовало местным обычаям [13] и, в частности, не раз приглашало артистов выступить на семейных торжествах, но в настоящем традиционном китайском театре Чаче-эр прежде бывать не доводилось.

— Сегодня я отведу тебя в весьма необычное и оживлённое местечко, — пообещал Чэн Фэнтай, погладив младшую сестру по затылку.

Перед входом в театр «Хуэйбинь» уже горели фонари, а над ним висела вывеска с тремя

огромными иероглифами «Шан Сижуй» — это было совершенно в духе тех безумных самодурств [14], о которых все были наслышаны. Имя актёра, игравшего с ним в паре, было начертано крохотными иероглифами, притулившись рядом, словно бедный родственник. Внутри театра было сумрачно из-за стоявшего коромыслом дыма, и оттуда то и дело раскатывались волны громогласных одобрительных возгласов. Воздух был пропитан таким напряжением, что оно, казалось, в любой момент может выплеснуться через край. Водитель Лао Гэ, выйдя из машины, издали увидел на кассе объявление: «Билеты распроданы» — и шепнул хозяину на ухо:

— Второй господин, вы не сможете посмотреть представление. Вы не понимаете, ведь здесь выступает Шан Сижуй, так что цену за билеты взвинтили до небес — за стоячие места дерут аж двадцать восемь долларов, да и те подчистую разобрали.

— Билет никак не достать? — спросил Чэн Фэнтай.

— Само собой, никак, — ответил Лао Гэ.

— Сходи и порасспрашивай насчёт ложи, — велел Чэн Фэнтай, взглянув на машину, где сидели старики. — Скажи, что нужно место, а деньги — не проблема.

Отправившись ко входу, Лао Гэ сперва переговорил с билетёром, затем — со слугой, подающим чай. Хоть это и заняло немало времени, ответ был всё тем же:

— Я у многих спрашивал, но все в один голос утверждают: сколько денег ни предложи, туда не попасть.

— Быть не может, неужели нельзя договориться о цене? — нахмурился Чэн Фэнтай.

— Деньги тут ни при чём, второй господин, — ответил водитель. — Сейчас там слушают оперу и вице-министр Хэ, и начальник управления Ли, что уж тут поделаешь!

Собственно говоря, можно было предвидеть, что там, где выступал Шан Сижуй, ложи бронировали сплошь богатые и влиятельные люди, так что решительно не было смысла перепродавать их места на полдороге за какие бы то ни было деньги. Пусть Чэн Фэнтай исколесил весь мир [15], так что во всём Китае не осталось уголка, куда бы не дотягивались его руки — ведь он осмеливался проскальзывать даже под самым носом [16] у японцев, такой уж у него был талант — и всё же нынче против всех ожиданий ему предстояло потерпеть позорное поражение от какого-то там актёришки.

Один из стариков со смехом бросил из-за плеча Чэн Фэнтая:

— Уж если говорить о том, как раздобыть билет на представление Шан-лаобаня, то почему бы второму господину не позаимствовать немного славы у главнокомандующего Цао?

Услышав это, Чэн Фэнтай сразу всё понял: будучи не в состоянии самостоятельно забронировать ложу, эти два старика специально выманили его с собой, дабы воспользоваться авторитетом младшего шурина главнокомандующего Цао, пройдя на представление без билета. В самом деле, Шан Сижуй отнюдь не был обычной звездой театра, чтобы попасть на выступление к которой, достаточно одних только денег — тут требовались недюжинная сила и влияние.

Итак, Чэн Фэнтай без лишних слов прибег к авторитету своего старшего зятя. Стоило ему открыть своё положение управляющему театром, как тот тут же предоставил ему ложу, предназначенную для главнокомандующих и начальников уезда. Когда посетители устроились на втором ярусе, на стол перед ними поставили чай и фрукты в качестве лёгкой закуски. Оглядываясь вокруг, Чэн Фэнтай увидел, что в ложе по диагонали от него вольготно расположился вице-министр Хэ с семьёй — кто бы мог подумать, что позади он заметит и Шэн Цзыюня. Тот, будучи однокурсником четвёртого молодого господина Хэ, наверняка напросился с ним, будучи не в состоянии самостоятельно достать билет. Всё ещё в чёрной студенческой форме со стоячим воротничком, он сидел, напряжённо выпрямившись, будто слушал лекцию, и лишь по выражению его лица можно было судить о том, что он прямо-таки обезумел от счастья [17], от которого был не в силах очнуться — болезнь явно зашла слишком далеко.

Помнится, Фань Лянь говорил, что Шэн Цзыюнь содержит актёра — убедившись, что тот и впрямь всецело отдался этой страсти, Чэн Фэнтай свирепо уставился на подопечного.

Сперва на сцене разворачивались акты без участия Шан Сижую — эпизоды без боевых сцен [18]. Чэн Фэнтай с громким щёлканьем лузгал арбузные семечки [19]: будучи не в состоянии разобрать в этих ариях ни единой фразы, он не понимал, что в них может быть интересного. Когда отец их семейства был ещё жив, они по воскресеньям всей семьёй, принарядившись, ходили на концерты — и, как только в зале гас свет, Чэн Фэнтай мигом охватывала необоримая дремота: природная музыкальность матери ничуть ему не передалась. Пусть время от времени он любил послушать Шопена и Бетховена, а также пригласил репетитора для младших сестрёнок, чтобы тот обучил их игре на пианино, он делал это отнюдь не для того, чтобы развить их художественный вкус — тем самым Чэн Фэнтай всего лишь воссоздавал традиции их старого шанхайского дома. Поглощая семечки, он осознал несомненное преимущество китайского театра: пока на сцене идёт представление, милостивые господа в зале могут закусывать в своё удовольствие. Это совершенно не походило на западную оперу, где необходимо чинно восседать [20], соблюдая строгие правила — и куда больше соответствовало нраву Чэн Фэнтай.

Захмелевшие старики, прикрыв глаза, с явным удовольствием покачивали головой, мурлыкая под нос в такт дуэту на сцене. Прикончив арбузные семечки, Чэн Фэнтай приступил к вяленным сливам, безуспешно пытаясь заморить ими червячка — ранее в ресторане за разговором со стариками он и не поел как следует, больше налегая на выпивку. Щёлкнув пальцами, он подозвал слугу, чтобы заказать миску лапши под соусом «чжацзян» [21], но, когда подавальщик склонился к нему, постеснялся открыть рот.

Один из стариков, видя, что Чэн Фэнтай не находит себе места от скуки, с улыбкой бросил:

— Второй господин Чэн изволил составить нам компанию в театре, а сам скучает?

— Честно говоря, я мало что понимаю, — со смехом отозвался Чэн Фэнтай.

— И то правда, — сказал другой старик, — ведь второй господин Чэн шанхаец, так что ему, надо думать, более по нраву шанхайские напевы таньхуан и шаосинская опера [22]?

— Нет, такое я тоже не слушаю, — ответил Чэн Фэнтай. — Покойный отец был из тех, кто вернулся, получив образование на Западе, а потому мы с сёстрами с детства привыкли к западной музыке. Все эти оперы трудны для понимания. Впрочем, грим и костюмы актёров, а также их игра смотрятся очень живенько, всё это весьма любопытно.

— Судя по словам второго господина, — с улыбкой погладил бороду старик, — вы понимаете лишь половину происходящего. — Вздохнув, он продолжил: — Нравы [23] меняются, и нынешнее молодое поколение больше не ценит оперу. В моей семье молодёжь не интересуется традиционной оперой, им нравится ходить только туда, где никто не поёт — как там оно зовётся?

— Драматический театр, — подсказал другой. — Вы ведь о нём?

— Да-да, драматический театр! Вот вы говорите, что наследие предков вам не по душе, уезжаете, чтобы учиться всему у людей с Запада, так и страну погубить недолго...

Поделившись наболевшим, старики согласно вздохнули. Вскоре вступительные акты подошли к концу, и на сцену вышел Шан Сижуй в ярком наряде и гриме гуйфэй [24], в расшитом жемчугом и драгоценностями головном уборе, от которого прямо-таки рябило в глазах. Взглянув на него, Чэн Фэнтай про себя подумал, до чего этот переливающийся всеми цветами актёр на деле худой и миниатюрный. В отличие от него Чача-эр пришла в настоящее воодушевление: сжимая в руках чашку чая, она не сводила глаз с Шан Сижую — его сияющие подобно драгоценностям очи прямо-таки поражали красотой.

Стоило ему выйти на сцену, как с верхних ярусов полетели серебряные монеты и украшения, волнами проносились крики «Браво!» Он ещё не начал петь, а зрители с нижних ярусов уже не скупилась на бурное одобрение — ведь Шан Сижуй всецело заслуживал подобного обращения.

В ясных глазах впервые присутствующей при подобном ажиотаже Чачи-эр заблестел неподдельный интерес. Чэн Фэнтай принялся, улыбаясь, ощупывать карманы, однако денег у него при себе не оказалось, к тому же бросать монеты представлялось ему банальным. У него были наручные часы, но ведь при падении они разобьются. Тогда он снял со среднего пальца золотой перстень с жадеитом и вложил в руку сестре:

— Давай, Чача-эр, ты тоже брось!

Подойдя к бортику ложи, девочка перегнулась через него и, хорошенько примерившись, с силой метнула перстень в Шан Сижую. В своём старании она прицелилась чересчур точно: перстень угодил актёру прямо в лоб — слегка покачнувшись от удара, Шан Сижуй бросил

мимолётный взгляд в ложу Чэн Фэнтая.

«Вот незадача!» — выругался про себя Чэн Фэнтай: тот золотой перстень был весьма тяжёл, так что удар вышел приличный — чего доброго, мог остаться синяк. На лице Чачи-эр также отразилась растерянность. Юркнув обратно в ложу, она в паническом испуге вцепилась в рукав старшего брата. Старики, напротив, развеселились:

— А у третьей барышни воистину золотые руки! Силы в них немало, да и меткость — всем на зависть!

Всё это привело Чэн Фэнтая в изрядное недоумение: разве эти два театрала — не ярые поклонники Шан Сижую? Почему же тогда они так радуются тому, что их кумиру досталось? Хотя да — если подумать, наверно, тут всё как в Шанхайском оперном театре — что актёры, что дамы полусвета принадлежали к одному сорту людей — вернее, не вполне людей, а своего рода увеселений, и тот, у кого было достаточно денег, мог вертеть ими как ему заблагорассудится.

При этой мысли Чэн Фэнтай ощутил лёгкий укол вины — ведь в их шанхайском доме отец учил его благодарить слуг, даже когда ему подносили чай, а потому в глубине души он не выносил отношения высших классов к низшим, бытующее в среде его соотечественников. Похлопав Чачу-эр по спине, он вновь усадил её, приговаривая:

— Ничего страшного, наша Чача-эр ведь не нарочно! Немного погодя старший братец отведёт тебя туда, и мы принесём извинения.

Старики уразумели поведение Чэн Фэнтая по-своему, понимаясь ухмыляясь про себя: разве пресловутые извинения — не надуманный повод, чтобы второй господин Чэн мог свести знакомство [25] с этим актёром?

Это происшествие с Шан Сижуюем поразило Шэн Цзыюня в самое сердце — он с шумом поднялся на ноги и гневно воззрился в сторону обидчика. Чэн Фэнтай за разговором отвернулся, так что его лица было не видно. Молодой человек продолжал упорно буравить мнимого виновника взглядом. Тот, закончив говорить, внезапно обернулся — и поймал его взгляд, так что Шэн Цзыюнь вынужден был волею-неволей подойти и поздороваться.

— Второй старший братец Чэн.

— Кто таков? — любопытствовали старики, поправляя очки.

— Младший брат моего бывшего одноклассника, — пояснил Чэн Фэнтай. — Шестой молодой господин семейства Шэн из Шанхая, Шэн Цзыюнь. Сейчас он учится в университете Бэйпина.

Признавая авторитет его семейства, старики поднялись на ноги и принялись превозносить

Шэн Цзыюня за его таланты в столь юном возрасте, и тот смущённо обменялся с ними приветствиями.

— Ладно, — прервал их Чэн Фэнтай, — представление вот-вот начнётся, так что молодому господину Юню стоит вернуться на своё место.

Шэн Цзыюнь подчинился, но, стоило ему повернуться, чтобы уйти, как Чэн Фэнтай схватил его за подол, притянув к себе.

— погоди же, у меня к тебе ещё есть вопросы! — стиснув зубы, прошипел он на ухо молодому человеку, тем самым приведя того в полное смятение.

Из горла Шан Сижую заструилось пение, ясный и чистый голос мягкими модуляциями напоминал трели иволги. Эту оперу, «Опьяневшую Ян Гуйфэй», Чэн Фэнтай несколько раз смотрел за компанию с другими, но на слух понимал от силы несколько строк:

«Опишет круг луна над каждым в море островом,

И заяц нефритовый явится [26],

Нефритовый заяц опять повернулся на восток.

А там — луна за остров в море закатилась,

Рассвет родится между Инь и Ян, меж Небом и Землей [27]».

Дальше Чэн Фэнтай мало что помнил, но, хотя он не разбирал слов, даже просто прислушиваясь к этому голосу, он осознал, что понемногу начинает проникаться скрытым смыслом — и даже принялся еле слышно подпевать под нос. Тут-то Чэн Фэнтай обнаружил ещё одно преимущество китайского театра над западным: визгливые напевы хуциня [28] наполняли бодростью, не давая задремать даже тому, кто ничего не понимал в опере.

По мере того, как голос становился громче, зрители внезапно начали проявлять недовольство. Многие из них с угрюмым видом вставали, покидая зал, а иные выражали своё возмущение пронзительными возгласами.

Чэн Фэнтай никак не мог взять в толк, что происходит, пока сидевший рядом старик не бросил с раздосадованным вздохом:

— Эх, до чего дело дошло! Хорошенькая же вышла «Опьяневшая Ян-гуйфэй»!

— Нет, на это смотреть решительно невозможно! — поддержал его другой. — Пойдёмте-ка и мы с вами! — С этими словами они раскланялись с вторым господином Чэном, уговорившись о следующей встрече, и направились к выходу с до крайности разочарованным видом.

Чэн Фэнтай вызвался проводить их и, спускаясь, с улыбкой спросил:

— А что не так с этой пьесой? Что же вывело почтенных господ [29] из себя?

— Этот Шан Сижуй, считая, что он главенствует в своём амплуа, навносил в текст арий исправлений [30] на свой вкус, — ответил один из стариков. — Может, эти изменения и к лучшему, но истинным любителям оперы такая самодеятельность не по душе. Прежде мне подобного видеть не доводилось, и вот вам пожалуйста, увидел!

— Когда-то в былые времена Шан Сижуй гастролировал в Шанхае, — подхватил второй старик. — Шанхайцы тотчас уличили его в этой дурной склонности, прозвав его «демоном оперы», а он и рад подобной славе! Хорошенькая же «Опьяневшая Ян-гуифэй», ничего не скажешь! И как он осмелился лезть со своими изменениями! Что ни говори, так и до развала страны недалеко!

Выходившие вместе с ними зрители, услышав эти речи, тотчас одобрили слова стариков, добавив к ним поток собственных жалоб и суждений. Чэн Фэнтай не понимал причин их возмущения, так что просто учтиво вывел стариков на улицу, усадив их в машину, после чего вернулся в ложу к младшей сестре.

Примечания переводчика:

[1] Господин Ли, владелец магазина — в оригинале 李章圭 (Lǐ-zhāngguì) — Ли-чжангуй, где чжангуй — хозяин или старший приказчик в магазине/лавке.

Жуйфусян 瑞福祥 (ruìfúxiáng) — название известного в восточном Китае сетевого магазина тканей и одежды, существующего по сей день.

Сеть магазинов Жуйфусян была основана Мэн Хуншэном, уроженцем уезда Цзюцзюнь. Семья Мэн занималась торговлей одеждой со времен правления императора Канси (1661—1722). Изначально, Мэн Хуншэн торговал грубой тканью местного производства, которая была популярна среди крестьян благодаря своей прочности и низкой цене. Позже Мэн Хуншэн создал сеть магазинов в крупных городах, включая Шанхай, Циндао, Тяньцзинь, содержащих иероглиф «сян» 祥 (Xiáng) в названии (их так и называли — «магазины Сян»), и начал расширять торговлю предметами роскоши (шёлк, атлас, чай, меха).

Название Жуйфусян отсылает к «счастливному предзнаменованию цинфу» — 清福 (Qīngfú), легендарного насекомого, похожего на цикаду. По легенде, если смазать монеты кровью цинфу, то после того, как их потратят, они вернуться к монетам, смазанным кровью его детеныша. Цинфу изображено на некоторых версиях логотипа магазинов.

В 1862 году Мэн открыл магазин Жуйфусян в западной части Цзинаня, в котором продавались, в основном, шёлк и атлас, филиал в Бэйпине открылся спустя год. Продажи достигли своего пика в 1920-30-х годах, когда семейным предприятием занимался Мэн Лочуань.

Первый флаг Китайской Народной Республики, поднятый на площади Тяньаньмэнь в Пекине 1 октября 1949 года, был сделан из шелка Жуйфусян. (по материалам Википедии)

Здесь можно ознакомиться с материалами по истории сети магазинов более подробно (на кит. яз.):

<http://www.chinanews.com/cul/news/2009/07-10/1769958.shtml>

[2] Ваньжун 万蓉 (wǎnróng) — ист. фрейлина императрицы четвёртого ранга (династия Сун).

[3] Сундук из камфарного дерева 樟木箱 (zhāngmùxiāng) — в сундуках из камфарного дерева хранили одежду по сезонам, поскольку запах камфары отпугивает моль.

[4] Ханьфу 汉服 (hànfú) — традиционная одежда ханьцев (китайцев).

[5] Фениксы — в оригинале 凤凰 (fènghuáng), где фэн 凤 (fèng) — самец феникса, а хуан 凰 (huáng) — самка феникса.

[6] Князь маньчжуров — 八旗王 (Bāqí wáng) — в букв. пер. с кит. «князь восьми знамён» — войска маньчжуров, разделённые на восемь корпусов.

[7] -Лаобань 老班 (-lǎobān) — в пер. с кит. «хозяин, владелец», вежливое обращение к актёру столичной оперы.

[8] Олух — в оригинале 夯锤 (bàngchuí) — банчуй — в букв. пер. с кит. «валёк, скалка», в пекинском диалекте — «бездарный, беспомощный», также сленг. «чайник».

[9] Доллары — в оригинале 大元 (dàyuán) — даян — китайский серебряный доллар, равный серебряному мексиканскому песо, также могут называться юанями.

[10] Неотразимая улыбка — в оригинале 三分 (sānfēn) — в пер. с кит. «на три балла» или «на три очка».

[11] Хуэйбинь 回音楼 (Huīyīn lóu) — название театра в пер. с кит. означает «гости стекаются в терем (театр)»

[12] «Опьяневшая Ян-гуйфэй» (или «Опьяневшая наложница») 贵妃醉酒 (guìfēi zuìjiǔ) — сюжет оперы основан на эпизоде из жизни драгоценной супруги императора из семьи Ян.

Однажды император предложил Ян-гуйфэй попить в Беседке ста цветов. Она пришла в беседку, приготовила всё, что нужно для пира, и села поджидать государя, а тот всё не шел. Ян-гуйфэй велела придворной даме так разгадать, в чём дело; вскоре дама вернулась и

рассказала, что Сын Неба осчастливил наложницу Цзяньфэй в Западном дворце. С досады Ян-гуйфэй принялась пить одна и не заметила, как опьянела. При этом она изливает гнетущую тоску наложницы, потерявшей любовь своего императора. Сильно опьянев, Ян Гуйфэй теряет контроль над собой, и танец, отражающий её душевное состояние, крайне сложен для исполнителя.

[13] Следовало местным обычаям — в оригинале чэньюй 固鄉隨俗 (gù xiāng suí sú) — в букв. пер. с кит. «вошёл в деревню — следуй её обычаям», обр. в знач. «в чужой монастырь со своим уставом не ходят».

[14] Безумные самодурства — в оригинале два чэньюя:

張牙舞爪 (zhāngyá wǔzhǎo) — в пер. с кит. «оскалить зубы и выпустить когти», обр. в знач. «со свирепым и коварным видом», «в диком бешенстве».

橫行霸道 (héngxíng bàdào) — в пер. с кит. «самодурствовать, управляя силой и страхом».

[15] Исколесил весь мир — в оригинале чэньюй 指南北 (zhǐnánchǔǎngběi) — в букв. пер. с кит. «навестить юг, проложить дорогу на север», обр. в знач. «помыкаться по свету».

[16] Под самым носом — в оригинале чэньюй 眼皮底下 (yǎnpí dǐxia) — в букв. пер. с кит. «под веками», обр. в знач. «перед глазами».

[17] Обезумел от счастья — в оригинале чэньюй 如痴如醉 (rúchī rúzuì) — в пер. с кит. «словно пьяный и глупый», обр. в знач. «опьянеть от впечатлений (счастья)».

[18] Эпизоды без боевых сцен 文戏 (wénxì) — вэньси — «спектакли без боевых сцен» термин, относящийся к китайскому театру.

[19] Арбузные семечки 西瓜子 (xīguāzi) — этот несвойственный нашей кухне продукт традиционно используется в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке. Обжаренные арбузные семечки имеют высокую питательную ценность и оказывают благотворное влияние на здоровье, поскольку содержат много белка, полезных жиров и витаминов.

[20] Чинно восседать — в оригинале чэньюй 正襟危坐 (zhèngjīn wēizuò) — в пер. с кит. «оправить полы одежды и чинно усесться», обр. в знач. «принять скромный вид, сидеть с серьёзным видом», «сохранять достоинство».

[21] Лапша под соусом «Чжацзян» 炸酱面 (zhájiàngmiàn), она же — корейская лапша чачжанмён.

[22] Таньхуан 滩簧 (tānhuáng) — вид песенного сказа, распространённый в приморских районах Цзянсу и Чжэцзяна, развившийся в театральное представление.

Шаосинская опера 梆子 (shàoxīng xì) — впервые этот вид искусства появился на свет в провинции Чжэцзян Восточного Китая, которая тогда принадлежала царству Юэ. До 1906 года опера Юэ была частью местного фольклора и ставилась чисто ради увеселений: деревенские актеры развлекали своих односельчан музыкально-сценическими постановками, лирика бралась из разговоров местных крестьян. В связи с трудностями после Второй опиумной войны крестьяне стали зарабатывать постановками деньги, и они стали широко ставиться в театрах Шанхая. При смешении шаосинской оперы с пекинской был открыт четырёхголосый тон, который больше подходил женщинам, что позволило многим из них зарабатывать на сцене.

Информация со страницы:

https://vk.com/@china_center-shaosinskaya-opera-ili-kak-selskoe-razvlechenie-stalo-dostoy

[23] Нравы — в оригинале 世道 (shìdào) — в букв. пер. с кит. «пути века» — о веяниях времени, нравах и политическом режиме.

[24] Гуйфэй 贵妃 (guìfēi) — в букв. пер. с кит. «драгоценная жена», высший ранг супруги императора после императрицы.

[25] Свести знакомство — в оригинале 相干 (xiānggàn) — в пер. с кит. это означает как «приглядываться друг к другу», так и «смотрины» — знакомство жениха с невестой.

[26] Нефритовый (или яшмовый) заяц 玉兔 (yùtù) — мифический зверь, который, живя на луне, толчёт в ступе напиток бессмертия.

[27] Между Инь и Ян, меж Небом и Землей — в оригинале 乾坤 (qiánkūn) — цянь и кунь, две противоположные гексаграммы «Ицзина» — мужское и женское начало, источник всех перемен.

[28] Хуцинь 胡琴 (húqín) — китайский струнный инструмент со смычком, пропущенным между двумя струнами.

[29] Почтенные господа — в оригинале 老爷子 (lǎoyézi) — в пер. с кит. вежливое «дедушка» при разговоре со старшими, диалектное — «отец, батюшка».

[30] Навносил исправлений на свой вкус — в оригинале выражение 七改八 (qīgǎibāgǎi) — в букв. пер. с кит. «семь изменений, восемь изменений» — в китайском языке довольно часто встречаются выражения со словами семь-восемь, выражающие значение «беспорядочно много», к примеру:

七上八下 (héng qī shàng bā xià) — в букв. пер. с кит. «семь вдоль, восемь поперек»; образно в значении «в полном беспорядке, вповалку, вдоль и поперёк, вкривь и вкось, кое-как».

七七八八 (qī qī bā bā) — в букв. пер. с кит. «семь, семь, восемь, восемь», в образном значении — «разнородный, смешанный», иначе говоря, «всякая всячина».

七弯八拐 (qī wān bā niǔ) — в пер. с кит. «семь поворотов, восемь разворотов», обр. в знач. «что-то крайне извилистое».

<http://bllate.org/book/17750/1660356>